

Maria

Сон расширяется и проникает в сознание. Граница между знакомым и неизвестным стирается. Минута до раннего утра. Восход солнца предчувствуется, но с таким же успехом оно может и не взойти — ничто не предначертано. В любом случае время еще есть. Воздух — смесь тьмы и света, иногда более плотный и светлый, иногда более тонкий и темный, местами растворяющийся в пустоту. Вещи только ищут свою настоящую форму. Как ни странно, все знакомо, но никакие слова не приходят в голову. Знала ли я их вообще когда-либо? Эти слова. Имеют ли они здесь хоть какой-то вес? Одновременно с этими мыслями звезды разлетаются и повисают в воздухе. Во всем этом есть что-то очень знакомое, именно этой своей необъяснимостью.

Свет и тень привлекают мое внимание и отвлекают от звезд. Все вдруг сразу видно и слышно, подсвечено и точно на своем месте. Пришло время смотреть. Это можно почувствовать. Смотреть нужно сейчас, потом будет слишком поздно. Возникает ощущение непогрешимости бытия. Все именно так, как и должно быть. В центре всего и самой себя. Прошлого еще не было, и будущее еще не наступило. Вокруг меня всему есть что сказать, и я умею слушать.

Материалы и формы движутся узорами, раз ветвясь, раз сужаясь. Все дышит в одном ритме. Медленные длинные вдохи. Ритм становится все медленнее. Ты это видишь и чувствуешь. Ты могла бы сейчас все объяснить, если потребуется. Но сейчас в этом нет необходимости. А потом ты уже не сможешь. Еще несколько счастливых мгновений, мир колеблется в одном ритме. Пока он не ударится о бордюр и не сломается. И солнце восходит.

Художник:

Paŋmōdi

Текст:

Luiga

Maria

Смеркается, и света уже не хватает, чтобы просочиться в этот закоулок. Словно пробуждаясь ото сна, постепенно загораются лампы, висящие высоко над улицей, но рассчитывать на них еще какое-то время не приходится. Кабели между фонарями с готовностью натянуты. Заколоченные окна и двери молча наблюдают за происходящим, понимая его смысл или нет. Чем дальше, тем теснее становится улица, словно поглощая в себя прохожих. Колебания слабого света заставляют улицу двигаться. Наступает ночь. Ночь просыпается. Тьма течет медленно и спокойно, ей незачем торопиться. Рано или поздно она придет, это все знают. Улица, которая до сих пор казалась безжизненной из-за высоких плотно стиснутых стен, может теперь снова спокойно дышать. Стены кружатся, и тени принимают формы.

Из-под камней осторожно показываются тонкие ветви, которые чем темнее тем смелее, но все так же неуклюже, тянутся в сторону улицы. Веткам как будто есть что сказать. Они весь день ежились в темноте, и теперь им не терпится остановить прохожих. В них, как и в темноте, есть что-то завораживающее. Что-то отталкивающее опасное, но и пленительно манящее. Хитрый взгляд на лицах, сонный шепот на губах. Несмотря на поспешность и твердость шага, путник застревает в ветвях. Перехватывая его мысли, ветки теребят неловкого прохожего, который уже не помнит, куда и зачем он шел. Воспоминание мерцает медленно и далеко, как колышущиеся лампы над его головой. Он смотрит на колючие ветки, которые его окружают. «Это красивые ветки, — думает он, — Красивые, но какие-то злые...» Но теперь уже слишком поздно, совсем темно.

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

Здесь зеленые поля. Длинная пышная трава, которая колышется на ветру. Когда-то колыхалась здесь вода. Но потом вода закончилась, и теперь тут трава. Свет с просинью. Как будто он не хочет мириться с тем, что вместо волн теперь травинки. Свет и вода, должно быть, хорошо ладили. По крайней мере, мне так кажется. Потому что ни деревьев ни кустов здесь тоже нет. Нет ничего кроме травы и этих зданий, которые высятся посередине. Полностью белые, пустые и дырявые — словно то, что было у них внутри, вытекло и заполнило все вокруг.

Отверстия в зданиях квадратные. Абсолютно одинаковые. Похожи на окна. Только смотреть не на что — ни внутрь, ни наружу. Но лучи света, наверное, любят с ними играть. Вплетаться между ними. Иногда я застаю их за самозабвенными плясками внутри конструкций. Эта ситуация кажется мне щекотливой. И немного грустной.

На самом деле всем здесь немного одиноко. Одиноко или скучно. Дождя здесь тоже нет. Есть только свет и трава и шесть домов. Обычно с тысяча четыреста четыремья окнами. Хотя иногда мне кажется, что у некоторых домов окон больше, у некоторых меньше. Но, может быть, это просто кажется так от скуки. Тоски.

Я не знаю, как эти дома оказались здесь. Их сюда принесла вода? Может, когда-то они были большими кораблями, а потом остались здесь. Высохли. Или был здесь когда-то древний город, чья слава потускнела? И теперь остались только эти шесть домов. В среднем с тысяча четыреста четыремья окнами. Без дверей и петель. Один бесконечный день. Продолжительное повторение. Шесть раз по одному. Один умножить на шесть. Этажей, конечно, тоже нет. Больше нет совсем ничего. Полное одиночество. Пустота. Трава колышется в одном ритме. И окна.

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

Из пыльного динамика под потолком прогудело извещение для всего мира: «С сегодняшнего дня документы можно копировать только в следующих случаях:

1. Если большой
2. Если идет дождь
3. Если не здесь
4. Если достаточно долго
5. Если с закрытыми глазами».

«Что? — взволнованно восклицаю я, — Что происходит?» И чувствую, как по спине стекает холодный пот. Я совершенно запуталась. «Можно копировать, только если ... большой? Какой такой «большой»? Что значит «большой»? И когда... идет дождь?» — повторяю, и не понимая сказанного. Я встревоженно встаю и подхожу к окну, подозрительно глядя наружу. Дождя сейчас точно не будет.

С крыши противоположного дома на меня смотрит большая ворона, а потом начинает насмешливо каркать, раскачиваясь вперед и назад. На улице пахнет туманом, черным чаем и жареным картофелем. Я чувствую, как у меня скручивает живот, и руки начинают дрожать.

Мое отчаяние нарастает с приближающимся звуком шагов в коридоре: «Это определенно из-за моей задержки». Волосы встают дыбом, а по спине бегают мурашки. У меня еще нет готовых копий. И эти правила, которые я не поняла: большой и дождь, и... Шаги становятся все громче и громче, коридор раскачивается и задыхается под тяжестью шагов. «Еще несколько минут, и меня снова отправят в офис без окон! Все эти годы выброшены на помойку!» — лихорадочно стенаю я и чувствую, как мои глаза чернеют. Пытаюсь что-то уловить в темноте. И слышу, как открывается дверь, и

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

Мне нравится рыбачить. Просыпаешься рано, еще в темноте. Зажигаешь лампу и разводишь огонь под печкой. Пьешь горячий чай. Затем надеваешь комбинезон и идешь на пляж. Зеркальная гладь воды, свежее розовое солнце. Камбалы время от времени выпрыгивают большим полукругом. Настоящее удовольствие. Толкаешь лодку в воду и гребешь длинными спокойными ударами весел подальше от берега. Останавливаешься дрейфовать и зажигаешь трубку. Вода с удивительной точностью отражает цвета и формы пробуждающегося дня. Как говорится, рай на земле. Насладившись еще несколькими мгновениями священного одиночества и захватывающей дух красотой мира, ты снова крепко хватаешься за весла. До сетки еще грести и грести. Издалека слышится лай деревенских собак: они приветствуют друг друга. Деревня начинает потихоньку просыпаться. Пришло время расставить сети. «Эта довольно тяжелая», — бормочешь ты про себя. Тянешь и тянешь, пока до тебя не доходит, на что ты напоролся этим утром: из воды смотрят на тебя большими глазами не менее десятка малышей! Вот это неожиданность, но делать нечего, нужно их оттуда вытаскивать. Добравшись до берега, ты зовешь на помощь соседа и вместе вы тащите сеть на главную площадь деревни. Там есть две стойки как раз на нужном расстоянии, куда можно натянуть сетку. Теперь все, что остается делать, это ждать и смотреть. Малыши, которые уже было задремали, приходят медленно в движение. Сначала открывают один глаз, потом второй. Осматриваются. К этому времени подходят ребята постарше, и начинается взаимное изучение. Старшие знают, что малышня очень любит играть. Они привлекают внимание детворы пухатым красным мячом, который они бросают большой дугой через сетку вперед и назад. Мелюзге это очень нравится: они начинают хихикать, сотрясаясь всем телом и приводя сеть в движение. Смех утихает, и малышня потихоньку начинает спускаться из сетки на землю. Осторожно, но удивительно умело. Дети постарше выстроились в очередь и с нетерпением ждут. Все хотят кроху, чтобы отвезти домой, но нужно запастись терпением. Малыши сами выбирают себе сестер и братьев. Их нельзя заставить. Они беззаботно топчутся, смотрят по сторонам, исследуют. И если повезет, тебя возьмут за руку. И ты с гордостью пойдешь домой знакомить родителей со своим новым братом или сестрой.

Иллюстрация:

Текст:

Luiga

Maria

Создатель в ужасе. Он не знает, чего хочет. Кирпич и строительный раствор плохо сочетаются. Один твердый и квадратный, другой — мягкий и плавный. Зачем им быть вместе, если один хочет течь, а другой — стоять на месте? У создателя, однако, есть четкая цель: они должны стать одним целым во что бы то ни стало. Но как этого добиться? Ответа нигде не найти, сами материалы демонстративно молчат. В воздухе запахло конфликтом. Но создатель так легко не сдается. У него есть четкая цель соединить их вместе. Но почему? — спросите вы. Для чего они должны стать одним целым? У создателя где-то было много бумаг на эту тему, там все и было написано. Но сейчас руки уже заняты работой, а бумаги где-то потерялись. Придется обойтись без этого. Творец берет кирпич и ставит его на место. Стоит хорошо, но чего-то не хватает. А не положить ли на него строительный раствор, щедрую такую порцию? Да. Что-то в этом есть. Какая-то вариативность, контрастность или что-то в этом роде. Еще один кирпич. Еще раствор. Стена растет. Под весом кирпичей раствор всасывается между рядами. Создатель разгорячился: раствор, кирпич, раствор, кирпич. Раствор и еще один кирпич. Повторение мать учения! К чему эти мысли, забытые на бумаге? В руках и повторении столько силы. Стена растет. Ах, зачем стена? Не знаю, просто захотелось. Простая конструкция. Просто выросла. Эта стена. И можно к ней еще что-то придумать. Не обязательно, но можно. Представьте себе окно в стене. Или дверь. Проход внутрь или наружу. Но это не так уж важно. Главное есть стена.

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

«Почему» меня никогда особо не интересовало. Но с «как» совершенно другая история. Я полностью отдаюсь поверхности. Ее завораживающим миражам. Для посторонних я выгляжу в этом случае как минимум противоречивой или странной. Зачастую, правда, просто противной. Но на самом деле я часть их самих. Коллекция. Зеркало. Я — собрание всех и всего, что меня окружает. Ну, не совсем всего, а лишь того, что привлекает мое внимание. Моя походка, например. Нашла недавно, в предрассветном часу. Меня очаровал силуэт, движущийся по другой стороне дороги. Безупречно статное тело, безошибочно движущееся в одном такте. Руки и ноги складно, даже механически, скоординированы. Один шаг сменяется другим без каких-либо перерывов и колебаний. Как будто по дороге катится колесо, сдерживаемое невидимой силой. Самого пешехода я не помню, совсем забыла посмотреть. Да и какая там разница, ведь теперь это я, кто так ходит. Какое-то время. Потом найду новую. Походку. Я все время меняюсь, формируя себя через отображение других. Я переняла мое нынешнее задумчивое выражение, которое все еще восхищает меня, несколько недель назад от женщины в кафе. Она смотрела вдаль острым пронизательным взглядом, ее лицо было таким спокойным, подбородок слегка приподнят, а голова немного наклонена вправо. Я влюбилась в этот образ и взяла его себе. Иногда, конечно, я перенимаю также гротескное или даже омерзительное. Ведь меня интересует главным образом что-то любопытное. Не «хорошее» или «плохое», «нравится» или «не нравится». Например, мой почерк, который выпал при просмотре книги. Вырванный из тетрадки листок бумаги со списком продуктов для похода в магазин. Написано приторно сладкими, сочными буквами, но в то же время удивительно старательным образом. Это показалось противным, сила усердности для чего-то столь банального. Это ценная находка в моей коллекции — которая и есть я сама.

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

Я измеряю себя. С головы до пят. 1840 мм. Окружность головы 500 мм. Полметра. Длина подошвы 280 мм. Голень снова полметра — как голова, когда она разложена. Забавно получается. 1050 мм до бедра, 1150 мм до пупка, 1580 мм до плеч и 1700 мм до кончика носа. В детстве, кстати, я мечтала о росте 1580 мм, но потом выросла выше на целую голову, это если считать вместе с шеей. Ладно, продолжим. Длина кисти от кончика среднего пальца до плечевого сустава составляет 760 мм, ширина плеч 480 мм, указательного пальца 90 мм, а от кончика указательного пальца до кончика большого пальца ровно 200 мм. Хорошо знать. Ну все, хватит. Эти числа теперь станут помещением для моего тела. Где я буду сидеть, стоять, смотреть и думать. Идеальный размер! Но почему-то я начинаю скатываться. Что-то все же пошло не так. Я еще раз все замеряю. Все как будто складывается, все эти минусы и плюсы и различные размеры и числа. Но меня все равно перекашивает. Что-то жмет и барабанит, хочет выбраться. И только тогда до меня доходит: дух не влезает! Совершенно забыла про него, не взяла мерок. Но теперь уже поздно, дух выскальзывает через окно. И я растерянно смотрю ему вслед. Вначале мне хорошо и спокойно. Но потом становится скучно. Как-то пресно и однообразно. Интересно, куда же он ушел и когда вернется? А быть он может где угодно. На лучших охотничьих угодьях. Где-то в достаточно сумрачном месте, под некой колоннадой, сидит правая нога поверх левой и обдумывает свои мысли, глядя на сводчатую арку. Там много места, чтобы раскинуться, вдохнуть и выдохнуть. Можно почувствовать запах священной халатности и понаблюдать за игрой случая. «Я тоже хочу туда», — грустно вздыхаю я. Что такое одно тело без духа? Я зову его. Сначала тихо, потом громко. Но ответа нет. Только ветер свистит между домами, как будто и он по кому-то плачет. Я должна его найти! Подскочив, я ударяюсь головой. Все замерено слишком точно. Нет места для роста.

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

Под столом много ног и ножек. Я тоже под столом, но это потому, что я маленькая. Почти такой же высоты, как ножка. Я не могу дотянуться до стола. Но мне там особо и нечего делать. Там только взрослые и их вещи. А меня есть игра и игрушки. Они почти такие же, как настоящие вещи, но чуть мягче и проще. И они не работают по-настоящему. Но на самом деле, когда вы играете с ними, они работают даже лучше. Просто нужна небольшая помощь. Это сложно объяснить.

Кстати, эти ноги принадлежат моим родителям. У них, как и у меня, четыре ноги, но играть они не умеют. И у стола тоже много ножек, гораздо больше, чем у меня. Стол, вероятно, не игрушечный, но и не настоящий. Стол — это просто стол. Для взрослых стол побольше. А я под большим столом со своим маленьким столиком. Странно, я знаю. Но здесь действительно хорошо. Между прочим, я люблю быть маленькой. И здесь, под столом, чувствую себя особенно маленькой. Помимо ножек под столом есть еще и песок. Песок, вероятно, тоже просто песок, не настоящий и не игрушечный, но играть с ним все же можно как угодно. Может быть, поэтому родители не очень уважают песок — они просто говорят, что песок везде. Но я думаю, что песок на своем месте. Я проверила

В большом столе есть еще такие отверстия для подглядывания. Я думаю, они для того, чтобы мама и папа могли за мной следить, но они так заняты своими делами, что чаще я сама использую эти отверстия для наблюдения за родителями — и чтобы отверстия не чувствовали себя ненужными. Но надолго меня все же не хватает. Довольно скоро я снова залезаю под свой стол, потому что реальный мир кажется мне довольно скучным. И немного слишком большим. А вот здесь под столиком на песке тааак хорошо.

Художник:

Текст:

Luiga

Maria

Обжигающе жаркая погода. Куда ни глянь, навязчиво палит солнце. В небе нет ни намека на облака, ни даже воспоминания о них. Есть только одна большая синева. Город сухой и пыльный, томимый жаждой. Кожа покрывается испариной, к которой прилипает пыль. В такие безжалостные дни я обычно бесцельно блуждаю до самого заката, в поиске укрытия от солнца и от самой себя. На левой стороне улицы, через дорогу, возвышается одно здание. Формы более-менее прямоугольной и уверенно удручающей. Усталое, запыхавшееся. Особенно под этим всепроникающим солнцем. Перед зданием находится Исландская площадь. С исключительно красивым и успокаивающим именем. Одна мысль о котором действует ободряюще.

Через дорогу от дома деревья, скамейки и лужайка с невысокими зелеными изгородями. Я прислоняюсь к грубому стволу и смотрю на тихое здание, рядом с которым слышится неожиданно живой шум. Все глаза прикованы к большому плакату, на котором изображен один-единственный камень. Одинокий мегалит возвышается под резким северным солнцем. Вид гигантского каменного холма и шум вокруг него действуют на меня успокаивающе.

На соседней скамейке сидит пожилая дама в накрахмаленном костюме и шляпе. Что-то в ее облике намекает на то, что она уже длительное время наблюдает за происходящим — взглядом, который говорит о серьезности, задумчивости и некой уступчивости. Во мне пробуждается ленивое любопытство, и я сажусь рядом с ней.

— Долго это уже длится? — спрашиваю я, имея в виду сцену.

— Да, — отвечает она, не поднимая глаз, — долгое время. Временами успокаивается, потом расходится с новой силой. И так с самого утра.

Снова глядя на плакат, я тоже замечаю, что изображение на нем изменилось. Теперь у камня появились узнаваемые очертания головы, рук и ног. Взгляд его серьезен, устремлен за горизонт. Он в костюме и с лысой головой. Ленин.

— Он меняется время от времени? — спрашиваю я, с возрастающим интересом к происходящему.

— Нет, это зависит от того, под каким углом смотреть, тут можно найти несколько точек наблюдения, — отвечает она ласково, но лаконично.

— Тяжелый символ, — говорю я, покачивая головой.

— Символ имеет силу, только если верить в него, кормить его. Я больше не верю. С возрастом понимаешь, что это всего лишь груды камней или металла. Время не может остановиться, но может остановиться человек, который зацепился за что-то в прошлом.

Художник:

Текст:

Luiga